

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-3-48-74

Научная статья / Research paper

Хань Шинь*

ВЗГЛЯД КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ НА ХОД И РЕЗУЛЬТАТЫ ВОЕННЫХ РЕФОРМ В РОССИИ (С 1990-Х ГОДОВ ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ)

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Россия и Китай с начала 1990-х годов прошли большой путь развития взаимодействия в военной сфере. Сотрудничество началось с обмена делегациями, сокращения войск вдоль границы и принятия мер по укреплению доверия. К настоящему времени оно дошло до уровня тесного партнерства. Ежегодно военные двух стран проводят несколько крупных учений, сотрудничают в подготовке военных кадров. В связи с этим представляют интерес оценки китайской стороной российской военной политики после распада СССР.

Анализ динамики публикационной активности показывает, что китайские ученые обратили пристальное внимание на российские военные реформы в середине 1990-х годов. Пик интереса китайских военных и гражданских экспертов к данной проблематике пришелся на 2009 год, когда начался период наиболее радикальных преобразований в России в военной сфере.

Китайские исследователи делят российские военные реформы на четыре волны, границы которых определялись сложным сочетанием внутри- и внешнеполитических, а также экономических факторов. Каждый из этих этапов военных преобразований в России рассматривался с точки зрения как возможного воздействия на глобальный баланс сил в военно-политической сфере, так и изучения российского опыта для проведения такого рода реформ в самом Китае.

Первые этапы российских военных реформ (1992–1997 и 1997–1999 гг.) оцениваются скорее негативно, при этом в качестве основных причин их неудачи китайские исследователи называют резкое сокращение эконо-

* Хань Шинь — аспирантка кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: hanshiying@bfsu.edu.cn).

мических возможностей страны, слабость политического руководства, отсутствие военно-теоретической базы для преобразований.

Последующие реформы (2001–2004 гг. и особенно после 2008 г.) оцениваются как более успешные именно в силу произошедших в России процессов консолидации власти, сопровождавшихся восстановлением экономики, а также уроков, которые российское военное руководство извлекло из локальных войн и вооруженных конфликтов в этот период. Вместе с тем и эти реформы не были, по китайским оценкам, свободны от недостатков. К таковому китайские эксперты относят поспешные и слишком радикальные преобразования по западному образцу на рубеже 2000–2010-х годов.

В целом китайские исследователи, как гражданские, так и военные, склонны заключать, что в итоге длительного и сложного процесса военных преобразований России удалось добиться существенного прогресса в переоснащении и повышении боевого потенциала своих вооруженных сил, а сами реформы могут послужить источником ценного опыта для развития и модернизации Народно-освободительной армии Китая.

Ключевые слова: военные реформы, Россия, Китай, Вооруженные Силы Российской Федерации, российско-китайское сотрудничество, Академия военных наук НОАК, Академия общественных наук КНР, Нанкинский институт международных отношений, Институт российских исследований Университета Цинхуа.

Для цитирования: Хань Шиин. Взгляд китайских исследователей на ход и результаты военных реформ в России (с 1990-х годов по настоящее время) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 3. С. 48–74. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-3-48-74.

Han Shiyong

**CHINESE SCHOLARS
ON THE PROGRESS AND OUTCOMES
OF THE MILITARY REFORMS IN RUSSIA
(FROM THE 1990S TILL PRESENT)**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

Since the early 1990s, Russia and China have come a long way in developing military cooperation. It began with an exchange of delegations, the reduction of

troops along the border, the adoption of confidence-building measures, and, by now, has transformed into a strong partnership. Two countries annually conduct several joint military exercises and develop military training cooperation. In this regard, the Chinese assessments of the Russian military policy after the collapse of the USSR are of particular interest.

The survey of specialized publications shows that Chinese scholars commenced studies on the Russian military reforms in the mid-1990s. The author notes that there was a spike of research activity on that matter in 2009 soon after the start of radical reforms of the Russian Armed Forces.

Chinese scholars usually identify four waves in the Russian military reforms, each determined by a combination of domestic and external political and economic factors. Chinese military and academic experts assessed these reforms both in terms of their impact on the global balance of power in the military-political sphere and their potential relevance to similar reforms in China.

The first two phases of the Russian military reforms (from 1992 to 1997 and from 1997 to 1999) are usually assessed negatively. The general failure of military reforms is attributed to the economic challenges, the lack of political will, and the absence of an adequate theoretical and methodological basis for such transformations.

Subsequent reforms (from 2001 to 2004, and, particularly, after 2008) are generally assessed positively. In that regard, Chinese experts emphasize the importance of the processes of political power consolidation and economic recovery that took place in Russia in that period, as well as the role of lessons learned by the Russian military from local wars and armed conflicts. Nevertheless, according to Chinese assessments these reforms still have certain drawbacks, particularly, associated with hasty and misguided attempts to copy the Western military models at the turn of the 2000s — 2010s.

In general, Chinese civilian and military experts conclude that throughout a long and difficult process of military reforms Russia has made a significant progress in rearmament and increasing the combat potential of its armed forces. Moreover, such reforms could serve as a valuable source of experience and an example for further development and modernization of the People's Liberation Army of China (PLA).

Keywords: military reforms, Russia, the People's Republic of China, Armed Forces of the Russian Federation, Russia-China cooperation, PLA Academy of Military Science, Chinese Academy of Social Sciences, Nanjing Institute of International Relations, Russia Research Institute at Tsinghua University.

About the author: *Han Shiyin* — PhD Candidate at the Chair of International Security, School of the World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: hanshiying@bfsu.edu.cn).

For citation: Han Shiyong. 2021. Chinese scholars on the progress and outcomes of the military reforms in Russia (from the 1990s till present). *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 13, no. 3, pp. 48–74. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-3-48-74. (In Russ.)

Россия как крупная и влиятельная военная держава всегда придавала большое значение вопросам обороны, военного строительства и безопасности. В советское время речь шла прежде всего о подготовке армии, способной к проведению крупномасштабных боевых действий. Военная мощь СССР достигла своего пика в 1980-х годах, когда в советских Вооруженных Силах (ВС) насчитывалось около 6 млн человек.

После распада Советского Союза Россия унаследовала большую часть его военного потенциала. Однако из-за внутренней политической нестабильности, продолжавшегося упадка национальной экономики и ошибок в принятии решений по вопросам безопасности военные возможности России существенно сократились по сравнению с советским периодом.

В то же время западные страны начали проводить военные реформы, направленные на внедрение современных технологий в армейские подразделения. Ряд военных операций, проведенных западными странами в 1990-х и 2000-х годах, заставили Россию полностью осознать тот факт, что в области военных технологий, оборудования и методов ведения войны она сильно отстает, особенно от Соединенных Штатов. Исходя из этого, Москва начала менять направление политики в области обеспечения национальной безопасности и инициировала масштабное реформирование армии. В рамках данной статьи предпринимается попытка проанализировать взгляды китайских экспертов на ход и результаты этих преобразований.

Россия и Китай с начала 1990-х годов прошли большой путь развития взаимодействия в военной сфере, в рамках которого было место и для трений, и для сотрудничества. Как представляется, многие разногласия вызваны недостаточным взаимопониманием между двумя странами, и анализ оценок китайских экспертов в отношении российских военных реформ может помочь лучше понять общие интересы, нащупать точки соприкосновения и укрепить двустороннее военное сотрудничество в будущем.

В статье анализируются китайские научные публикации по тематике российских военных реформ с 1995 по 2019 г. Главным об-

разом они представлены статьями в китайских научных журналах, но имеется и небольшое число монографий.

Среди авторов, наиболее активно работавших в этой области, выделяются Ма Цзяньгуан [Ма Цзяньгуан, Чжанмин, 2009; Ма Цзяньгуан, Сунь Цяньцзе, 2016], Ли Дагуан [Ли Дагуан, 2015], Ли Дапэн [Ли Дапэн, 2015; Ли Дапэн, Ван Чжэнь, 2012], Чэнь Сюэхуэй [Чэнь Сюэхуэй, 2002], Чэнь Цзяньминь, Ли Шуинь [Чэнь Цзяньминь и др., 2007].

С точки зрения китайских авторов, реформирование ВС РФ делилось на следующие основные этапы: 1) военные реформы 1992–1997 гг.; 2) реформы И.Д. Сергеева (1997–1999); 3) реформы С.Б. Иванова (2001–2004); 4) реформы А.Э. Сердюкова и С.К. Шойгу (2008–2020).

В большинстве статей рассматривается ход российских военных преобразований в целом. Лишь ряд работ посвящены тематике реформирования отдельных видов ВС либо конкретным аспектам изменений в российской военной политике.

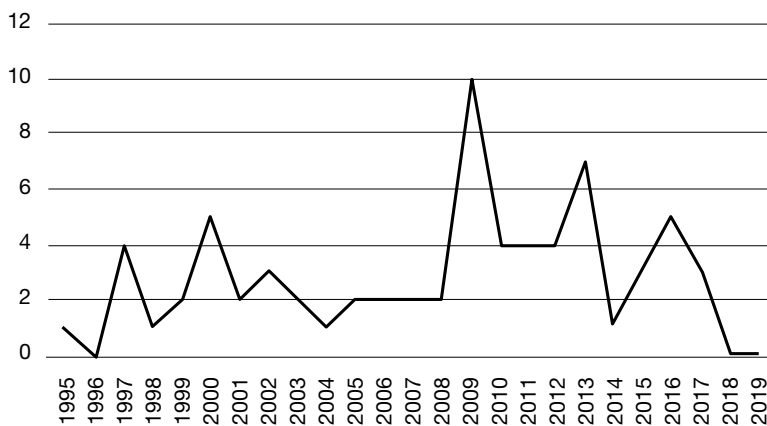
Следует отметить, что интерес китайских авторов к рассматриваемой теме резко вырос после 2000 г. и достиг пика в 2009 г. на фоне старта «сердюковских реформ» и прошедшего конфликта с Грузией. Публикационная активность снизилась практически до нуля с 2018 г. Последнее обстоятельство тем более интересно на фоне начавшегося в 2018–2019 гг. нового этапа расширения российско-китайского военного сотрудничества с участием китайских военных в российских стратегических командно-штабных учениях «Восток» и «Центр». Среднее количество научных публикаций по данной тематике после 2000 г. составляло три в год¹.

Статьи, как правило, публиковались в таких научных журналах, как «Сиболия яньцзю» («Сибирские исследования»), «Гоцзи чжаньван» («Международное обозрение»), «Элосы чжунъя дуноу яньцзю» («Российские, восточноевропейские и центральноазиатские исследования»), «Шицзе цзюньши» («Мировое военное дело»). Эти журналы издаются главным образом академическими учреждениями, например Академией общественных наук КНР, Хэйлунцзянской академией социальных наук, Шанхайской академией международ-

¹ Имеются в виду публикации с ключевыми словами «российские военные реформы», индексируемые в китайских базах научных публикаций.

ных исследований. Российские военные реформы также освещались в специализированных публикациях агентства Синьхуа, а также в армейской газете «Цзефанцзюнь бао» («Ежедневник Народно-освободительной армии»).

Публикационную активность китайских авторов по теме можно представить в виде графика.

**Количество статей, опубликованных в Китае в 1995–2019 гг.
по тематике военных реформ в России**

Number of articles published in China on military reforms in Russia, 1995–2019

Источник/Source: CNKI².

Следует отметить, что помимо академических публикаций большое количество материалов по рассматриваемой тематике выходило на китайских популярных ресурсах. Они не являются предметом настоящей статьи, а их количество сложно определить из-за отсутствия соответствующих баз данных. При этом значительная часть этих публикаций представляют собой простые перепечатки российских новостных статей с иллюстрациями.

² Национальная инфраструктура знаний Китая (China National Knowledge Infrastructure, CNKI) — глобальный информационный проект КНР. CNKI создает комплексную интегрированную систему ресурсов знаний, включая журналы, докторские диссертации, кандидатские диссертации, научные труды, газеты, ежегодники, статистические ежегодники, электронные книги, патенты, стандарты и т.д.

Ранний период военных реформ в России

Источниковая база большей части работ, посвященных началу военных реформ в РФ, представлена главным образом российскими официальными документами (в частности, материалами Государственной комиссии по созданию Министерства обороны, армии и флота России, сформированной решением Б.Н. Ельцина от 4 апреля 1992 г.), на основе которых китайские авторы анализировали новые тенденции в российской военной политике. С развитием интернета китайские эксперты начали использовать большое количество различных зарубежных баз данных, содержащих информацию по рассматриваемой тематике (например, СИПРИ³). На данном этапе было опубликовано относительно немного работ (прежде всего следует отметить исследование Чэнь Цзяньмина, Ли Шуинь, Цзя Боюя под названием «Боль превращения» [Чэнь Цзяньминь и др., 2007]).

Особое внимание уделялось особенностям переоценки российским руководством военных угроз после обретения независимости. В частности, отмечалось: поскольку в то время Россия сделала ставку на быстрое сближение с Западом, в «Основных положениях военной доктрины Российской Федерации» 1993 г. было зафиксировано, что Россия «не относится ни к одному государству как к своему противнику», а НАТО вообще не упоминалась [Ли Дапэн, Ван Чжэнь, 2012]⁴.

Китайские авторы отмечали, что главными задачами, на решение которых были направлены реформы на данном этапе, стали вывод войск с территории других государств, сокращение численности армии и ее внутренняя реорганизация. При этом обращалось внимание на противоречивость и рассогласованность этой политики: руководство России, раздираемое борьбой группировок, не могло определиться с приоритетами и выделить ресурсы, необходимые для успешного проведения реформ [Линь Сяогуан, 2000].

Призывы к глубокому реформированию, профессионализации армии, обновлению институтов Министерства обороны, повышению боеготовности встречали сопротивление со стороны экономиче-

³ Стокгольмский международный институт исследований проблем мира (СИПРИ; Stockholm International Peace Research Institute, SIPRI).

⁴ Ли Жуйцин. Мяньюй сифан вэйчжуйдучзе, дули хоу злосы гоцзя аньцюань чжаньлюэ дэ сыцы бяньцян [Четыре изменения в стратегии национальной безопасности России после обретения независимости перед западной блокадой] // CWZG. 11.05.2017. Доступ: <http://www.cwzg.cn/theory/201705/35905.html> (дата обращения: 05.08.2020). (На кит. яз.)

ских ведомств правительства. Вместе с тем оказались неудачными попытки превращения военного ведомства в гражданский орган с передачей всех функций по управлению войсками Генеральному штабу. В целом военные реформы стали предметом ожесточенной аппаратной борьбы [Чэнь Цзяньминь и др., 2007].

Это привело к тому, что масштабное институциональное реформирование российской армии было отложено. Правительство решило сосредоточить свои усилия на выводе войск и сокращении численности Вооруженных Сил. С точки зрения китайских ученых, Россия смогла в тот период сократить численность войск и передислоцировать свои силы из зарубежных государств на свою территорию, однако реорганизация в соответствии с новыми условиями была провалена. Причину этого китайские эксперты усматривают прежде всего в объективных особенностях внутри- и внешнеполитического положения России в тот период. Распад Советского Союза привел к экономическому упадку, весь бюрократический аппарат находился в состоянии хаоса. В таких условиях удивительным было то, что государство вообще могло поддерживать нормальное функционирование Вооруженных Сил. Несмотря на неудачи реформ, по китайским оценкам, сохранялся значительный боевой потенциал сил общего назначения и стратегических ядерных сил [Чэнь Цзяньминь и др., 2007].

Реформы 1997–1999 гг.

Начало нового этапа реформ связывают с деятельностью министра обороны И.Н. Родионова, занимавшего этот пост в июле 1996 — мае 1997 г. Однако в связи с его быстрой отставкой китайские авторы склонны называть эти реформы именем его преемника на посту министра обороны — И.Д. Сергеева [Линь Сяогуан, 2000].

Военные реформы И.Д. Сергеева (1997–1999) спровоцировали первый значительный всплеск интереса китайских исследователей к данной проблематике.

Говоря об этом периоде, китайские эксперты отмечают прежде всего то, что у правительства и руководства ВС РФ было совершенно разное восприятие внешних угроз безопасности. В кабинете министров продолжала доминировать точка зрения об отсутствии серьезных внешних вызовов, преобладали сторонники сокраще-

ния военных расходов и проведения исключительно структурных реформ. Военное руководство уже в то время считало, что Россия сталкивается с серьезными внешними угрозами, среди которых особое беспокойство вызывали расширение НАТО на восток и рост геополитических амбиций США [Чэнь Сюэжуэй, 2002].

Попытки руководства Вооруженных Сил добиться увеличения финансирования армии и, как следствие, ожесточенная борьба с правительством привели к отставке министра обороны И.Н. Родионова и начальника Генерального штаба В.Н. Самсонова [Линь Сяогуан, 2000].

Их сменили И.Д. Сергеев и А.В. Квашнин, сосредоточившиеся на сокращении численности войск, которая благодаря их усилиям уменьшилась с 1,8 до 1,2 млн человек к концу 1990-х годов. Ориентиром стал уровень в 1% населения страны, количество военных округов сократилось с 8 до 6, было реорганизовано Управление главнокомандующего Сухопутными войсками, объединены Войска противовоздушной обороны (ПВО) и Военно-воздушные силы (ВВС). В результате структура ВС РФ из пятивидовой стала четырехвидовой: Сухопутные войска (СВ), Военно-морской флот (ВМФ), Военно-воздушные силы (ВВС) и Ракетные войска стратегического назначения (РВСН) [Линь Сяогуан, 2000].

В тот период большинство китайских статей по теме военных преобразований в России были опубликованы в журналах по специальности «международные отношения» или «региональные исследования», таких как «Сиболия яньцзю» («Сибирские исследования») и «Гоцзи чжаньван» («Международное обозрение»). Авторами публикаций в основном выступали академические ученые. В этом отношении бросается в глаза крайне незначительное число военных экспертов, которые проводили бы исследования на эту тему (в основном из Академии военных наук Народно-освободительной армии Китая (АВН НОАК) и Нанкинского института международных отношений НОАК). Одним из возможных объяснений этого факта является изначально крайне скептическое отношение китайских экспертов к данным преобразованиям. Китай был более склонен учиться на успешных примерах.

При этом можно заметить разницу во взглядах и оценках военных и гражданских специалистов. Академические исследователи рассматривали российские военные реформы в общем. При оценке их

результатов они часто использовали различные подходы в рамках теории управления. На этом основании они, как, например, профессор Центральной партийной школы Линь Сяогуан, делали вывод о том, что структурные изменения в ВС РФ повысили их оперативную эффективность [Линь Сяогуан, 2000].

Военные же эксперты критиковали реструктуризацию Вооруженных Сил с точки зрения военной логики. Так, Чэнь Сюэхуэй, эксперт АВН НОАК, отметил, что слияние ПВО с ВВС может вызвать новые проблемы, поскольку их системы управления несовместимы, а значит, это чревато большими трудностями в командовании войсками [Чэнь Сюэхуэй, 2002].

В целом можно констатировать, что китайские академические исследователи демонстрировали достаточно ограниченное понимание организации и структуры российских ВС, поэтому не могли проводить углубленный анализ результатов реформ.

Военные эксперты и академические ученые сходились в том, что внутренние трудности с продвижением реформ были в основном связаны с ограниченным потенциалом российской экономики, невозможностью сохранения военных расходов на уровне советского времени. Кроме того, на подходы к реформированию ВС значительное влияние оказал неудачный ход Первой чеченской войны 1994–1996 гг. [Чэнь Сюэхуэй, 2002].

В качестве ключевых внешних факторов, влиявших на реформы, китайские авторы называли первый этап расширения НАТО на восток и военный конфликт в Косово 1999 г. После Косовской войны геополитическая и военно-стратегическая обстановка, с которой столкнулась Россия, существенно изменилась. Проявилось значительное ослабление позиций РФ на международной арене, и это пришлось признать даже тогдашнему российскому руководству. Эти факторы имели отрезвляющий эффект, в результате реформированию армии стало уделяться больше внимания [Чжан Вэньжу, 1999].

В целом реформы И.Д. Сергеева и А.В. Квашнина оцениваются китайскими экспертами как слишком сфокусированные на удовлетворении пожеланий президента Б.Н. Ельцина без учета реального внутреннего и международного положения России.

Кроме того, отмечается, что министр обороны сам проходил службу в РВСН, поэтому выбрал в качестве приоритетного направления реформ развитие этих войск, со структурой и особенностями

которых он был хорошо знаком. Это привело к тому, что потенциал обычных ВС был еще больше ослаблен [Чэнь Цзяньминь и др., 2007]. В итоге проведенные им преобразования оцениваются китайскими авторами скорее негативно. И в целом реформы эпохи Б.Н. Ельцина рассматриваются как запоздалые и не слишком удачные, в основном из-за острых конфликтов и противоречий между президентом и военным руководством страны [Тан Шицян, 2002].

Реформы 2001–2004 гг.

Последующий этап военных преобразований в России вызвал повышенный интерес именно со стороны военных экспертов КНР. Помимо ученых из научно-исследовательских институтов, традиционно занимавшихся данной проблематикой, таких как АВН НОАК и Нанкинский институт международных отношений, в разработку этой темы включились военные эксперты из других военно-учебных заведений Китая, в частности Военно-морского командного училища. В то же время наблюдалось относительное снижение активности академических исследователей. Это можно объяснить общим улучшением отношений двух стран: расширилась область сотрудничества, и гражданские эксперты переключились на те вопросы, которые вышли на первый план повестки двусторонних отношений и по которым проще было найти информацию (политика, экономика, культура).

В 2000 г. В.В. Путин был официально избран на пост президента России. Примерно в это время оформилась новая система взглядов российского руководства на международную ситуацию и угрозы национальной безопасности страны.

В Концепции национальной безопасности РФ 2000 г. среди ключевых внешних угроз безопасности, с которыми сталкивается Россия, были выделены следующие: стремление отдельных субъектов международных отношений к односторонним действиям и гегемонизму; опасность ослабления политического, экономического и военного влияния России в мире; укрепление военно-политических блоков и союзов, прежде всего расширение НАТО на восток; возможность появления в непосредственной близости от российских границ иностранных военных баз и крупных воинских контингентов; распространение оружия массового уничтожения и средств его доставки; возникновение и эскалация конфликтов вблизи государ-

ственной границы РФ и внешних границ участников Содружества Независимых Государств⁵.

Подобная переоценка российским военно-политическим руководством внешних вызовов и угроз, задавшая направление новому этапу военных реформ в России, по-разному объясняется китайскими исследователями.

Военные эксперты АВН НОАК Чэнь Сюэхуэй и Лю Чжицин в качестве основной причины нового витка российских военных реформ рассматривают расширение НАТО на восток [Чэнь Сюэхуэй, 2002; Лю Чжицин, 2002]. С точки зрения других авторов, рост российской военной активности был вызван сочетанием расширения НАТО и реакции на Косовскую войну [Чжан Вэньжу, 1999].

В свою очередь военный эксперт АВН НОАК Ван Синьцзюнь считал, что между Россией и западными странами нет фундаментальных конфликтов и противоречий, наоборот, после терактов 11 сентября 2001 г. Москва вновь встала на путь сближения с США и Евросоюзом для совместной борьбы с терроризмом [Ван Синьцзюнь, 2004]. Цзян И, специалист по международным отношениям АОН КНР, разделял эту точку зрения. В частности, он указывал, что Россия стала в тот период переключать внимание с проблем подготовки к традиционной войне на миротворчество и противодействие терроризму [Цзян И, 2005].

Что касается внутренних факторов реформ, то военные эксперты [Чэнь Сюэхуэй, 2002; У Цижун, 2001; Лю Чжицин, 2002] полагали, что в их проведении ключевую роль сыграла Вторая чеченская война. Несмотря на успех кампании, по мнению таких военных экспертов, как У Ифу и Фэн Сяобин, она наглядно продемонстрировала неэффективность реформ министра обороны И.Д. Сергеева. Это выразилось, в частности, в неудовлетворительном техническом оснащении войск, слабости ВВС и общей невысокой боеспособности [У Ифу, Фэн Сяобин, 2006].

Кроме того, исследователи из АВН НОАК Чэнь Боцзян и Яо Юньчжу отметили, что гибель подводной лодки К-141 «Курск» и ее экипажа также стала важной причиной реформ. Эта катастрофа, выявившая плачевное состояние спасательного оборудования и

⁵ О Концепции национальной безопасности Российской Федерации // Официальный сайт Президента России. 12.05.2009. Доступ: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/14927/page/1> (дата обращения: 09.04.2020).

техники, произвела сильное впечатление как на военных, так и на гражданское население. Пришло понимание того, что хроническая нехватка необходимых средств привела к серьезному падению военной мощи ВС РФ и прежняя модель их развития себя полностью исчерпала. Нужно было менять всю стратегию [Чэнь Боцзян, Чжаочу, 2000].

При рассмотрении реформ в период пребывания С.Б. Иванова в главе военного ведомства (2001–2004) китайские авторы не уделяли значительного внимания собственным взглядам министра, считая его лишь исполнителем установок, исходивших непосредственно от российского президента [Чэнь Сюэхуэй, 2002].

Все его значимые шаги, по мнению китайских экспертов, были инициированы самим В.В. Путиным. В качестве важных новшеств рассматривались сами факты назначений С.Б. Иванова министром и Л.К. Куделиной заместителем министра обороны (оба — гражданские лица без опыта службы в ВС). Это оценивалось как шаг к началу крупных изменений в системе управления министерством [Чэнь Цзяньминь и др., 2007].

В июне 2004 г. Госдума приняла в третьем чтении изменения в Федеральный закон «Об обороне»⁶. Согласно документу министр управляет Вооруженными Силами через Министерство обороны. Таким образом, Генштаб был лишен этих полномочий — теперь все руководящие функции переходили к Минобороны⁷. Статус этого ведомства еще более укрепился, и министр обороны стал ключевой фигурой в системе управления ВС [Цзян И, 2005].

Эти реформы, как и предыдущие, изменили структуру армии. В 2001 г. РВСН были преобразованы из вида ВС в два самостоятельных рода войск: Ракетные войска стратегического назначения и Космические войска (КВ). К этому моменту была сформирована структура ВС РФ из трех видов войск (СВ, ВМФ, ВВС) и трех отдельных родов войск (РВСН, КВ, Воздушно-десантные войска (ВДВ)).

Что касается Сухопутных войск, то было восстановлено Главное командование СВ, ликвидированное во время реформ И.Д. Сергеева.

⁶ Там же; Федеральный закон от 31.05.1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» (с изм. от 27 декабря 2019 г.) // Консорциум «Кодекс». 27.09.2019. Доступ: <http://docs.cntd.ru/document/9020348> (дата обращения: 09.04.2020).

⁷ Аксенов П. Генштаб превращается в НИИ обороны // Lenta. 12.06.2004. Доступ: <https://lenta.ru/articles/2004/06/12/genshtab/> (дата обращения: 09.04.2020).

Забайкальский и Уральский военные округа были слиты воедино. Созданы постоянные мобильные группы войск.

Продолжались мероприятия по сокращению численности армии — с 1,2 до 0,85 млн человек. Эти меры в основном были ориентированы на небоевые части.

Новый этап российской военных преобразований получил гораздо более позитивные оценки со стороны китайских исследователей. Прежде всего отмечалось резкое увеличение военных расходов по сравнению с двумя предыдущими периодами, что создавало предпосылки для успешного завершения реформ [Цзян И, 2005; Чжан Гуанлинь, Чжан Хуэй, 2007]. В то же время ряд экспертов [Лю Чжицин, 2002; Сунь Жунчжун, Ван Цян, 2001; Чэнь Боцзян, Чжаочу, 2000] указывали, что выделяемых средств по-прежнему недостаточно для удовлетворения всех потребностей российских ВС.

По мнению военного эксперта Чэнь Сюэхуэя, на этот раз правительство представило более сбалансированную смету военных расходов, избежав чрезмерного перекаса в сторону ядерных сил. Уделялось больше внимания силам постоянной готовности, были значительно увеличены бюджет и расходы на обычные вооружения. Военные расходы России продолжали увеличиваться в течение всего этого периода, и значительная часть средств была использована для закупки нового оружия и техники [Чэнь Сюэхуэй, 2002].

Еще одним направлением преобразований, которое привлекло повышенное внимание китайских исследователей, стало изменение системы военной службы. В 2001 г. В.В. Путин заявил, что постепенно будет осуществлен переход с обязательной службы к службе по контракту⁸. В оценках этих преобразований мнения китайских исследователей разделились. У Ифу и Фэн Сяобин считали, что реформы могут повысить качество подготовки личного состава и мотивированность солдат [У Ифу, Фэн Сяобин, 2006]. Это мнение разделял и Ван Синьцзюнь, более того, он подчеркивал неотложность решения данного вопроса [Ван Синьцзюнь, 2004]. В то же время Лю Чжицин отмечал, что подобное реформирование системы военной службы требует огромных средств, а отмена всеобщей

⁸ На встрече в Кремле обсуждались вопросы военной реформы и ситуация на мировых рынках // Первый канал. 21.11.2001. Доступ: https://yandex.ru/turbo/1tv.ru/s/news/2001-11-21/271961-na_vstreche_v_kremle_obsuzhdalis_voprosy_voennoy_reformy_i_situatsiya_na_mirovyh_rynkah (дата обращения: 02.04.2020).

воинской повинности займет очень много времени [Лю Чжицин, 2002].

Кроме того, отмечалось стремление авторов нового этапа реформ избегать дублирования функций, эффективно использовать бюджетные средства. В частности, китайские исследователи указывали на реформу системы материально-технического обеспечения ВС, призванную создать единую организацию логистического управления [Гу Цзюнь, 2009].

По оценкам Сунь Жунчжуня, Ван Цяня [Сунь Жунчжун, Ван Цян, 2001] и Лю Чжициня [Лю Чжицин, 2002], благодаря массовому сокращению избыточного персонала повысилась эффективность работы и в конце концов была создана единая для всех родов войск система материально-технического обеспечения.

Вместе с тем, с точки зрения китайских специалистов, этот этап реформ остался незавершенным и по-прежнему во многом сводился к сокращению численности, а не к глубоким институциональным изменениям [Тан Шисян, Яо Сяоцзюнь, 2009].

Реформы 2008–2020 гг.

Реформы 2008–2020 гг. вызвали еще больший интерес в Китае. С ними связан пик публикационной активности по данной тематике, достигнутый в 2009 г. (10 публикаций за год). Наибольшую активность по-прежнему проявляли прежде всего военные специалисты, особенно эксперты Академии национальной обороны НОАК и Оборонного научно-технического университета НОАК. Однако после 2010 г. возобновился рост интереса к этой проблематике и со стороны академических исследователей. В частности, выросло количество защищенных по этой теме диссертаций. При этом произошла активная переоценка предыдущих этапов преобразований. И если первые две волны по-прежнему оцениваются скорее негативно (их называют «этапом проб и ошибок», «тяжелым поиском», «лавиной» [Гу Цзюнь, 2009; Ян Юйцай, 2017; Ли Дагуан, 2015]), то в отношении реформ 2001–2004 гг. отмечается, что они действительно «имели определенный эффект» [Гу Цзюнь, 2009].

В 2008 г., после того как Д.А. Медведев официально принял пост президента и назначил В.В. Путина премьер-министром, начался так называемый период тандема. За предыдущие 8 лет российская экономика укрепилась, и, даже несмотря на последствия кризиса

2008–2009 гг., ситуация оставалась в целом благоприятной. Это создавало основы для нового витка военных реформ [Чжань Айчэнь, 2013].

Большинство китайских военных экспертов [Ван Лян, 2008; Ма Цзяньгуан, Чжанмин, 2009; Ма Цзяньгуан, Сунь Цяньцзе, 2016; Тан Шисян, Яо Сяоцзюнь, 2009; Ян Юйцай, 2017; Чэнь Юнган, 2009; Лин Хунъи, 2009] считают, что важнейшим внешним импульсом для новой волны реформ стал пятидневный вооруженный конфликт в Южной Осетии между Россией и Грузией, начавшийся 8 августа 2008 г. Хотя эта война завершилась победой российской армии, тщательный анализ хода боевых действий выявил большое количество проблем.

Во-первых, из-за сокращения численности войск и реорганизации несения службы на предыдущем этапе реформ менее 20% всех частей ВС могли выполнять боевые задачи. Остальные силы относились к соединениям сокращенного состава, не укомплектованным личным составом и техникой [Ма Цзяньгуан, Чжанмин, 2009].

Во-вторых, китайские эксперты отмечали глубокое отставание российских ВС в сфере внедрения современных информационных технологий. На вооружении преобладали устаревшие советские образцы оружия и военной техники, при этом отставание в информационной сфере не позволяло российским военным подавлять грузинские каналы связи, атаковать центры управления грузинскими войсками [Ван Сяоцзюнь, 2011]. Как следствие, эта локальная война заставила российскую армию в полной мере осознать важность высокотехнологичного оружия и боевых систем в современных условиях [Чжань Айчэнь, 2013].

Что касается внутренних факторов, то основное внимание китайские эксперты уделяют экономическим причинам. Так, Тан Шисян, Яо Сяоцзюнь [Тан Шисян, Яо Сяоцзюнь, 2009] и Чэнь Юнган [Чэнь Юнган, 2009] считают, что за 8 лет правления В.В. Путина экономическая и общая национальная мощь России значительно окрепли и это обеспечило прочную экономическую основу для военных реформ.

В то же время В.В. Путин был намерен ускорить техническую модернизацию ВС и был не удовлетворен тем, как Министерство обороны управляло военными расходами. В этой связи для управления и контроля над оборонным бюджетом было решено сделать ставку

на чиновников, хорошо подготовленных по экономическим вопросам. Всё это привело к назначению министром обороны РФ сначала руководителя Федеральной налоговой службы А.Э. Сердюкова, а после его отставки в связи с коррупционным скандалом — бывшего главы Министерства по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России) С.К. Шойгу [Чэнь Сяньлян, 2007]. Как отмечают китайские эксперты, последний в целом продолжил развивать те же преобразования, которые были инициированы при А.Э. Сердюкове [Ян Юйцай, 2017].

В центре внимания снова оказались вопросы оптимизации системы управления, численности ВС и перевооружения [Пэн Япин, Ван Лян, 2009]. Во-первых, Россия перешла от четырехзвенного принципа управления ВС (военный округ — армия — дивизия — полк), унаследованного с советских времен, к трехзвенной системе (военный округ — армия — бригада). Во-вторых, количество военных округов уменьшилось с 6 до 4 (Центральный, Западный, Восточный и Южный). Управленческая структура российских ВС стала напоминать систему стратегических командований, принятых в НАТО и США [Ли Дапэн, Ван Чжэнь, 2012]. Командования видов ВС были исключены из командной цепочки и сосредоточены на развитии подведомственных войск, обновлении оборудования, боевой подготовке. Функции управления войсками были переданы военным округам. Авиация была сосредоточена в Воздушно-космических силах (ВКС). Сформированы авиабазы и бригады ВКС.

Все части и соединения армии получили статус сил постоянной готовности, при этом демонтировалась инфраструктура старой мобилизационной армии. Численность личного состава сократилась с 1,13 до 1 млн человек, что было достигнуто главным образом за счет офицерского состава, причем прежде всего это коснулось кадрованных частей и соединений. Уменьшилось число генералов и старших офицеров, число младших офицеров выросло на 50 тыс. человек [Ли Дапэн, 2015].

Китайские военные эксперты разделились во мнениях при оценке этой структурной реформы. Некоторые считают, что в этой части преобразований есть серьезные проблемы. Например, Ян Мин [Ян Мин, 2016] и Лин Хунъи [Лин Хунъи, 2009] указывают, что сокра-

щение более половины офицеров в командной организации напрямую повлияло на повседневную работу. Более того, отмена звания прапорщика привела к потере квалифицированных кадров в частях. Пэн Япин и Ван Лян провели анализ реакции российских СМИ на данные преобразования и на этой основе пришли к заключению, что указанная реформа проводилась без надлежащей подготовки и планирования [Пэн Япин, Ван Лян, 2009]. Следует отметить, что подобные критические оценки сопровождали лишь ранний этап реформы. В более поздних публикациях эти меры были оценены китайскими экспертами [Ли Дагуан, 2015; Ма Цзяньгуан, Чжанмин, 2009; Ян Юйцай, 2017] в целом положительно. Исследователи обращают внимание на то, что реформа была направлена на придание российским ВС дополнительных возможностей по проведению межвидовых операций на театрах военных действий и на общее повышение боеспособности. Отмеченные преобразования ведут к глубоким структурным изменениям в российских ВС, включая обновление кадрового состава, изменения в кадровой политике и организационной структуре. Эти оценки повторяются и в исследованиях, опубликованных после 2015 г. и оценивающих действия российской армии во время «украинского кризиса» и военной операции в Сирии [Ян Юйцай, 2017; Ма Цзяньгуан, Сунь Цяньцзе, 2016]. В этих работах, в частности, отмечается, что ВС РФ в основном завершили успешный переход от «массовой» традиционной армии к «эффективной» новой армии. Сирийская кампания считается «первой настоящей высокотехнологичной войной России» [Ма Цзяньгуан, Сунь Цяньцзе, 2016: 45]. В целом китайские авторы положительно оценили быстрые темпы перевооружения ВС и ускоренное поступление в войска высокоточного оружия [Ли Дагуан, 2015].

Конечно, китайские эксперты не обошли вниманием и трудности, с которыми столкнулась новая реформа. В первую очередь отмечаются проблемы экономического характера. В 2008 г. Россия вступила в экономический кризис, который грозил привести к новым осложнениям. К экономическим проблемам добавлялись социальные, связанные с трудоустройством офицеров, уволенных в рамках сокращений. Как отмечают ряд китайских исследователей [Ван Лян, 2008; Чэнь Юнган, 2009; Лин Хунъи, 2009; Ян Юйцай, 2017], недоучет этих факторов мог привести к тому, что реформы натолкнулись бы на растущее сопротивление большинства офицеров и солдат и это

было бы чревато ростом социальной нестабильности и серьезным ослаблением общей боеспособности российской армии.

Вместе с тем Ма Цзяньгуан обратил внимание на сильнейшее сопротивление реформам А.Э. Сердюкова со стороны части российского генералитета, недовольного сокращением численности войск. По мнению ученого, острой проблемой для ВС РФ остаются коррупция и рост уголовной преступности в войсках. Коррупцию, прогрессирующую на фоне увеличения военных расходов, китайские авторы называли главной угрозой для реформ. При этом в качестве подтверждения высокого уровня коррупции рассматривалась отставка самого А.Э. Сердюкова [Ма Цзяньгуан, Чжанмин, 2009].

В целом китайские эксперты склонны оценивать российские военные реформы 2000–2010-х годов скорее в позитивном ключе, особенно в сравнении с реформами 1990-х годов. Отмечается, что в результате преобразований боевой потенциал российских ВС значительно вырос. Основные задачи, ставившиеся в начале «сердюковских реформ», в том числе повышение уровня боеготовности, техническое перевооружение, изменение системы боевой подготовки и кадровой политики, улучшение системы социального обеспечения военнослужащих, в основном были выполнены. В связи с этим опыт российской военной реформы рассматривался как позитивный и полезный для Китая [Ян Юйцай, 2017].

Дальнейшие перспективы российских военных реформ оцениваются главным образом в контексте состояния российской экономики и внутривнутриполитической ситуации. Предполагается, что новые волны кризиса могут привести к обострению межведомственной конкуренции и усилению дискуссий в российских политических кругах о приоритетных направлениях расходования государственных средств [Ма Цзяньгуан, Сунь Цяньцзе, 2016].

Основные выводы из российского опыта военных реформ

За последние годы в КНР выполнено значительное количество научных исследований по проблеме российских военных реформ. Ученые по-разному комментировали военные преобразования в России на разных этапах. В целом реформы 1990-х годов считались относительно неудачными, новая же их волна, начатая в 2008 г., оценивается, напротив, скорее положительно.

Основные выводы, к которым приходят китайские исследователи, исходя из изучения российского опыта проведения военных реформ, можно суммировать следующим образом.

1. Российский опыт свидетельствует прежде всего о важности четкого понимания руководством страны нового характера внешних и внутренних угроз и международной ситуации. Отсутствие такого понимания на раннем этапе российских военных реформ в 1990-е годы привело к тому, что они застопорились в решающий момент. В этот период российское военно-политическое руководство так и не смогло сформировать единую систему взглядов относительно приоритетов реформ, в частности найти баланс между развитием стратегических ядерных сил и сил общего назначения [Гу Цзюнь, 2009]. Осознание этих ошибок пришло уже в начале XXI в., что привело к существенному изменению подходов к проведению военных реформ. Важным внешним стимулом стало быстрое ухудшение отношений со странами Запада, прежде всего с США. Как отмечает проректор Института российских исследований Университета Цинхуа У Дахуэй в статье, опубликованной китайской газетой «Хуаньцю шибао», «Россия уже готова к военным конфликтам с США и Европой и к полному разрыву отношений». Эта жесткая реакция, которая стала ответом на давление, оказываемое Вашингтоном и Брюсселем на Москву, резко контрастирует с ситуацией, наблюдавшейся в 90-е годы прошлого века⁹.

2. На раннем этапе реформ негативную роль сыграли проблемы в развитии российской военно-теоретической мысли. В результате не сложилось достаточно четкого понимания характера и облика современной войны. Китайские авторы отмечают, что многие российские военные руководители того времени лоббировали интересы тех видов ВС и родов войск, с которыми были связаны лично (например, министр обороны П.С. Грачёв — интересы ВДВ, И.Д. Сергеев — РВСН и т.д.). Долгое время не уделялось должного внимания информационным аспектам войны, а также высокоточному оружию. Вместе с тем в последующем министры обороны с гражданским бэкграундом «относились к родам войск как к отделам в компании» [Ма Цзяньгуан, Чжанмин, 2009: 80],

⁹ У Дахуэй. Мэйэ гуаньси куажу ‘Хэйчжаншикэ’ [В российско-американских отношениях начались тяжелые времена] // huanqiu.com. 22.04.2021. Доступ: <https://opinion.huanqiu.com/article/42omkJzbeMn> (дата обращения: 12.05.2021). (На кит. яз.)

что выразилось, в частности, в полном игнорировании вопросов идеологического воспитания в некоторые периоды военного строительства. Последнее обстоятельство, по мнению китайских авторов, подтолкнуло российские власти к тому, чтобы на определенном этапе допустить в армию священнослужителей. При этом многие реформы оцениваются как слишком поспешные, непродуманные и радикальные (например, сокращение военно-учебных заведений А.Э. Сердюковым, которое в последующем пришлось пересматривать) [Ян Мин, 2016].

3. В большинстве российских военных реформ заимствован западный опыт. Жесткое следование этому примеру неизбежно ведет к конфликтам между российской военной традицией и новой военной культурой. В качестве примера неудачных решений, продиктованных этой логикой, которые в дальнейшем пришлось пересматривать, называется ликвидация дивизионного звена в Сухопутных войсках. С 2013 г. Россия начала воссоздавать ранее ликвидированные мотострелковые и танковые дивизии [Чжан Гуйфэнь, 2016].

4. История российских военных реформ, по мнению китайских авторов, наглядно подтверждает важность учета экономических факторов в военном строительстве. Затяжной спад российской экономики рассматривается в качестве основной причины неуспеха преобразований 1990-х годов. Напротив, масштабные и радикальные реформы 2000-х и 2010-х годов, проводившиеся на фоне гораздо более сильной экономики, можно оценивать как успешные [Ян Мин, 2016].

5. Наконец, большое внимание китайские эксперты уделяют вопросам обеспечения единого и сильного политического руководства преобразованиями в военной сфере. Все российские военные реформы затрагивали интересы разнообразных политических сил и групп и приводили к острой аппаратной борьбе. Учитывая такую ситуацию, те, кто принимает окончательное решение о реформах, должны, с одной стороны, иметь точные суждения и четкие цели и быть готовыми продвигать предлагаемые меры, с другой стороны, ясно понимать, чьи интересы могут быть затронуты очередной реформой, заранее предусматривать контрмеры для разрешения потенциальных конфликтов и минимизации различных бюрократических препятствий.

В целом китайские ученые обращают внимание прежде всего на такие аспекты российских военных реформ, как изменения в организационно-штатной структуре и системе управления, а также влияние произошедших преобразований на боеспособность ВС РФ. Изменения в системе комплектования вооруженных сил, а также в системе закупок вооружения и военной техники не вызывают такого интереса. Возможно, это связано с тем, что среди исследователей данной проблематики доминируют профессиональные военные, а также ученые-международники, оценивающие реформы прежде всего с точки зрения их влияния на баланс сил в мире. Российские военные реформы в целом рассматриваются как полезный практический опыт для развития НОАК и оказали определенное влияние на большие военные преобразования в КНР, стартовавшие в 2015–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван Лян. Сеэрцзюкэфу цзюньши гайгэ пинси [Оценка реформы Сердюкова] // Вайго цзюньши сюэшу. 2008. № 11. С. 44–47. (На кит. яз.)
2. Ван Синьцзюнь. Элосы цзюньши аньцюань чжаньлюэ юй цзюньдуй цзяньшэ [Стратегия национальной безопасности и строительство Вооруженных Сил России] // Элосы яньцзю. 2004. № 3. С. 19–25. (На кит. яз.)
3. Ван Сяоцзюнь. Лэнчжань хоу элосы цзюньши чжаньлюэ яньцзю [Исследование по военной стратегии России после холодной войны]: Дисс. ... канд. юр. наук. Цзилинь, 2011. (На кит. яз.)
4. Гу Цзюнь. Люэлуньелосы цзюньши гайгэ цзи дуй воцзюнь дэ циши [Краткое обсуждение вопроса о российской военной реформе и опыт для нас] // Цзюньши лиши яньцзю. 2009. № 1. С. 172–203. (На кит. яз.)
5. Ли Дагуан. Элосы цзюньши гайгэ дэ цзофа, цзиньянь юй циши (Шан) [Меры, результаты и уроки российской военной реформы (Часть I)] // Чжунго цзинмао даокань. 2015. № 34. С. 81–83. (На кит. яз.)
6. Ли Дапэн. Синьэцзюнь гуаньча [Изучение новой армии России]. Пекин: Синьхуачубаньшэ, 2015. (На кит. яз.)
7. Ли Дапэн, Ван Чжэнь. Элосы сыдацзюньцюй дэ цзущэцзянь цзи чжаньлюэ чжихуэй гайгэ [Формирование четырех военных округов в России и реформа стратегического командования] // Гофан кэцзи. 2012. Т. 33. № 6. С. 79–90. (На кит. яз.)
8. Лин Хунъи. Цзяньнань чжуаньшэнь Элосы эршиньянь цзюньши гайгэ личэн тоуши [Тяжело оглядываться назад: процесс двадцатилетних военных реформ в России] // Сяндай бинци. 2009. № 10. С. 10–17. (На кит. яз.)
9. Линь Сяогуан. Элосы дэ цзюньши гайгэ [Военная реформа в России] // Сиболия яньцзю. 2000. № 5. С. 28–34. (На кит. яз.)

10. Лю Чжицин. Люэлунь элосы цзюньши гайгэ [О военной реформе в России] // Ганьсу шэхуэй кэсюэ. 2002. № 6. С. 85–89. (На кит. яз.)

11. Ма Цзяньгуан, Сунь Цяньцзе. Дисаньцы «Дисяо чжаньлюэ» бэйцзин ся элосы цзюньши гайгэ фачжань таньси [Анализ российской военной реформы на фоне запуска «третьей стратегии компенсации»] // Сиболия яньцзю. 2016. Т. 43. № 6. С. 44–47. (На кит. яз.)

12. Ма Цзяньгуан, Чжанмин. Элосы цзюньши гайгэ жэньчжундаоюань — Гуаньчжу элосы цзюньши гайгэ синьдунсян [Впереди еще долгий путь — новые тенденции в российской военной реформе] // Гофан кэцзи. 2009. № 5. С. 77–81. (На кит. яз.)

13. Пэн Япин, Ван Лян. Элосы синьилунь цзюньши гайгэ пинси [О новом раунде военной реформы в России] // Элосы чжунъя дуноу яньцзю. 2009. № 5. С. 30–34. (На кит. яз.)

14. Сунь Жунчжун, Ван Цян. 21 шицзи елосы цзюньши гайгэ фачжань синьцюйши [Новые тенденции развития российской военной реформы в XXI веке] // Гофан кэцзи. 2001. № 7. С. 22–23. (На кит. яз.)

15. Сюэ Синго. Элосы гоцзя аньцюань чжаньлюэ дэ яньбянь [Эволюция стратегии национальной безопасности России] // Цзюньши лиши яньцзю. 2010. № 2. С. 96–100. (На кит. яз.)

16. Тан Шисян, Яо Сяоцзюнь. Цяньтань элосы дэ цзюньши гайгэ [О военной реформе в России] // Сибэй гунъе дасюэ сюэбао (Шэхуэйкэсюэбань). 2009. Т. 29. № 1. С. 89–91. (На кит. яз.)

17. Тан Шицян. Бяньхуа чжун дэ эляньбан хэчжаньлюэ [Меняющаяся ядерная стратегия РФ] // Гоцзи луньтань. 2002. № 1(4). С. 12–17. (На кит. яз.)

18. У Ифу, Фэн Сяобин. Эцзюньши гайгэ юй майсян хэфан [Куда идет российская военная реформа] // Гофан кэцзи. 2006. № 3. С. 40–43. (На кит. яз.)

19. У Хао. Сулянь цзети хоу элосы учжуан лилян дэ гайгэ юй цзяньшэ [Реформа и строительство российских вооруженных сил после распада Советского Союза]: Дисс. ... магистра ист. наук. Хэйлунцзян, 2010. (На кит. яз.)

20. У Цижун. Элосы цзюньши гайгэ синьдунсян [Новые тенденции российской военной реформы] // Сяньдай цзюньши. 2001. № 2. С. 46–48. (На кит. яз.)

21. Хэ Цисун. Элосы цзюньши хантянь: Лилунь, Сяньши, Гайгэ [Военно-космические силы России: теория, реальность, реформа] // Элосы яньцзю. 2017. № 2. С. 157–176. (На кит. яз.)

22. Цзинь Дэцай. Поуси елосы синьилунь цзюньши гайгэ цзихуа [Анализ нового раунда военной реформы в России] // Вайго цзюньши сюэшу. 2006. № 7. С. 59–63. (На кит. яз.)

23. Цзян И. Пуцзин дэ цзюньши гайгэ юй цянцзюнь цзихуа [Военная реформа Путина и план усиления армии] // Элосы чжунъя дуноу яньцзю. 2005. № 5. С. 69–75. (На кит. яз.)

24. Чжан Вэньжу. Шицзичжицзю дэ элосы цзюньши гайгэ [Военные реформы России на рубеже XXI века] // Сяньдай гоцзи гуаньси. 1999. № 12. С. 3–5. (На кит. яз.)

25. Чжан Гуанлинь, Чжан Хуэй. Тоуши элосы дэ цзюньши гайгэ [О военной реформе в России] // Гофан. 2007. № 9. С. 67–69. (На кит. яз.)

26. Чжан Гуйфэнь. Элосы «Синьяньмао» Цзюньши гайгэ яньцзю [О военной реформе «создания нового облика Вооруженных Сил»]. Пекин: Национальная оборона, 2016. (На кит. яз.)

27. Чжань Айчэнь. Мэйдэвэйцзефу шици «Чжунсуцзюньдуймяньмао» Цзюньши гайгэ цяньси [Анализ военной реформы «создания нового облика Вооруженных Сил» в период Медведева]: Дисс. ... магистра юр. наук. Цзилинь, 2013. (На кит. яз.)

28. Чэнь Боцзян, Чжаочу. Цайцзюнь: цзюньши гайгэ дэ шици чаолу [Разоружение: вековая тенденция военной реформы] // Гоцзи чжаньван. 2000. № 11. С. 18–21. (На кит. яз.)

29. Чэнь Сюэхуэй. Элосы цзюньши гайгэ яньцзю [Исследование российской военной реформы]: Дисс. ... канд. юр. наук. Пекин, 2002. (На кит. яз.)

30. Чэнь Сяньлян. Элосы синьжэнь гофан бучжан Э. Ай. Сеэрцзюкэфу [Новый министр обороны России А.Э. Сердюков] // Элосы чжунъя дуноу яньцзю. 2007. № 4. С. 88–90. (На кит. яз.)

31. Чэнь Цзяньминь, Ли Шуинь, Цзя Боюй. Туйбянь чжи тун: Цзяньнань чжуаньсин чжун дэ элосы цзюньдуй [Боль превращения: российская армия в годы тяжелого переходного периода]. Чунцин: Чунцин, 2007. (На кит. яз.)

32. Чэнь Чжэнь. Синьшици елосы цзюньши гайгэ яньцзю [Исследование по российской военной реформы в новом веке]: Дисс. ... магистра ист. наук. Хэйлунцзян, 2013. (На кит. яз.)

33. Чэнь Юнган. Элосы цзюньши гайгэ цзяньшу [Краткое введение в военную реформу в России] // Гоцзи цзыляо синьси. 2009. № 3. С. 1–4. (На кит. яз.)

34. Ян Мин. Шиси элосы цзюньши гайгэ дэ цзиньянь цзяосюнь [Анализ опыта и уроков военной реформы в России] // Сиань чжэнчжи сюэюань сюэбао. 2016. Т. 29. № 3. С. 127–128. (На кит. яз.)

35. Ян Юйцай. «Синьяньмао» Гайгэ илай эцзюнь дэ цзяньшэ юй фачжань [Строительство и развитие вооруженных сил РФ с момента реформы «нового облика»] // Элосы чжунъя дуноу яньцзю. 2017. № 5. С. 1–16. (На кит. яз.)

REFERENCES

1. Wang Liang. 2008. Xieerjiukefu jiushi gaige pingxi [Assessing Serdyukov's military reforms]. *Waiguo junshi xueshu*, no. 11, pp. 44–47. (In Chinese.)
2. Wang Xinjun. 2004. Eluosi junshi anquan zhanlve yu jundui jianshe [Russia's military strategy and military capacity-building]. *Eluosi yanjiu*, no. 3, pp. 19–25. (In Chinese.)
3. Wang Xiaojun. 2011. *Lengzhan hou eluosi junshi zhanlve yanjiu* [Study on the Russian military strategy in the post-Cold War era]. Jilin. (In Chinese.)
4. Gu Jun. 2009. Lvelun eluosi junshi gaige ji dui wojun de qishi [Brief overview of the Russian military reform and its lessons for us]. *Junshi lishi yanjiu*, no. 1, pp. 172–203. (In Chinese.)
5. Li Daguang. 2015. Eluosi junshi gaige de zuofa, jingyan yu qishi (shang) [Measures, implications and lessons from the Russian military reform]. *Zhongguo jingmao daokan*, no. 34, pp. 81–83. (In Chinese.)
6. Li Dapeng. 2015. *Xin ejun guancha* [Study of the new Russian army]. Beijing, Xinhua. (In Chinese.)
7. Li Dapeng, Wang Zhen. 2012. Eluosi sidajunqu de zujian ji zhanlve zhihui gaige [Creation of the four military districts and the strategic command reform in Russia]. *Guofang keji*, vol. 33, no. 6, pp. 79–90. (In Chinese.)
8. Ling Hongyi. 2009. Jiannan zhuanshen eluosi ershinian junshi gaige licheng toudi [It is hard to look back: Twenty years of military reforms in Russia]. *Xiandai bingqi*, no. 10, pp. 10–17. (In Chinese.)
9. Lin Xiaoguang. 2000. Eluosi de junshi gaige [Russia's military reform]. *Xiboliya yanjiu*, no. 5, pp. 28–34. (In Chinese.)
10. Liu Zhiqing. 2002. Lvelun eluosi junshi gaige [On the military reform in Russia]. *Gansu shehui kexue*, no. 6, pp. 85–89. (In Chinese.)
11. Ma Jianguang, Sun Qianjie. 2016. Disanci 'dixiao zhanlve' beijing xia eluosi junshi gaige fazhan tanxi [Analysis of the Russian military reforms in the context of the 'third offset strategy']. *Xiboliya yanjiu*, vol. 43, no. 6, pp. 44–47. (In Chinese.)
12. Ma Jianguang, Zhang Ming. 2009. Eluosi junshi gaige renzhong daoyuan — guan Zhu eluosi junshi gaige xindongxiang [Still a long way to go: New trends in the Russian military reform]. *Guofang keji*, no. 5, pp. 77–81. (In Chinese.)
13. Peng Yaping, Wang Liang. 2009. Eluosi xinyilun junshi gaige pingxi [On the new round of military reforms in Russia]. *Eluosi zhongya dongou yanjiu*, no. 5, pp. 30–34. (In Chinese.)
14. Sun Rongzhong, Wang Qiang. 2001. 21 shiji eluosi junshi gaige fazhan xinqushi [New trends in the Russian military reforms in the 21st century]. *Guofang keji*, no. 7, pp. 22–23. (In Chinese.)

15. Xue Xingguo. 2010. Eluosi guojia anquan zhanlve de yanbian [Evolution of Russia's National Security Strategy]. *Junshi lishi yanjiu*, no. 2, pp. 96–100. (In Chinese.)
16. Tang Shixiang, Yao Xiaojun. 2009. Qiantan eluosi de junshi gaige [On the Russian military reform]. *Xibei gongye daxue xuebao (shehui kexue ban)*, vol. 29, no. 1, pp. 89–91. (In Chinese.)
17. Tang Shiqiang. 2002. Bianhua zhong de elianbang hezhanlve [The changing nuclear strategy of the Russian Federation]. *Guoji luntan*, vol. 4, no. 1, pp. 12–17. (In Chinese.)
18. Wu Yifu, Feng Xiaobing. 2006. Ejunshi gaige yu maixiang hefang [Where is the Russian military reform heading?]. *Guofang keji*, no. 3, pp. 40–43. (In Chinese.)
19. Yu Hao. 2010. *Sulian jieti hou eluosi wuzhuanglilang de gaige yu jianshe* [Reforms and development of the Russian armed forces after the collapse of the Soviet Union]. Heilongjiang. (In Chinese.)
20. Wu Qirong. 2001. Eluosi junshi gaige xindongxiang [New trends in the Russian military reform]. *Xiandai Junshi*, no. 2, pp. 46–48. (In Chinese.)
21. He Qisong. 2017. Eluosi junshi hangtian: lilun, xianshi, gaige [The Russian aerospace forces: Theory, reality, reform]. *Eluosi yanjiu*, no. 2, pp. 157–176. (In Chinese.)
22. Jin Decai. 2006. Pouxu eluosi xinyilun junshi gaige jihua [Analysis of the new round of the Russian military reforms]. *Waiguo junshi xueshu*, no. 7, pp. 59–63. (In Chinese.)
23. Jiang Yi. 2005. Pujing de junshi gaige yu qiangjun jihua [Putin's military reform and plan to strengthen the army]. *Eluosi zhongya dongou yanjiu*, no. 5, pp. 69–75. (In Chinese.)
24. Zhang Wenru. 1999. Shiji zhi jiao de eluosi junshi gaige [Russian military reforms at the turn of the 21st century]. *Xiandai guoji guanxi*, no. 12, pp. 3–5. (In Chinese.)
25. Zhang Guanglin, Zhang Hui. 2007. Toudi eluosi de junshi gaige [On the Russian military reform]. *Guofang*, no. 9, pp. 67–69. (In Chinese.)
26. Zhang Guifen. 2016. *Eluosi 'xinmianmao' junshi gaige yanjiu* [The study on the Russian 'New look' military reform]. Beijing, National Defense University Press. (In Chinese.)
27. Zhang Aichen. 2013. *Meideweijiefu shiqi chongsu jundui mianmao junshi gaige qianxi* [A brief analysis of the 'New look of the Armed Forces' military reform during the Medvedev presidency]. Jilin. (In Chinese.)
28. Chen Bojiang, Zhao Chu. 2000. Caijun: Junshi Gaige de shiji chaolui [Disarmament: The age-old trend in military reform]. *Guoji zhanwang*, no. 11, pp. 18–21. (In Chinese.)
29. Chen Xuehui. 2002. *Eluosi junshi gaige yanjiu* [Study on the Russian military reform]. Beijing. (In Chinese.)

30. Chen Xianliang. 2007. Eluosi xinren guofang buzhang A Ai Xieerjiukefu [New Minister of Defense of the Russian Federation A.E. Serdyukov]. *Eluosi zhongya dongou yanjiu*, no. 4, pp. 88–90. (In Chinese.)

31. Chen Jianmin, Li Shuyin, Jia Boyu. 2007. *Tuibian zhi tong: Jiannan zhuanxing zhong de eluosi jundui* [Painful transformation: The Russian army during the transition period]. Chongqing. (In Chinese.)

32. Chen Zhen. 2013. *Xinshiji eluosi junshi gaige yanjiu* [Study on the Russian military reform in the new century]. Heilongjiang. (In Chinese.)

33. Chen Yonggang. 2009. Eluosi junshi gaige jianshu [A brief introduction to the Russian military reform]. *Guoji ziliao xinxi*, no. 3, pp. 1–4. (In Chinese.)

34. Yang Ming. 2016. Shixi eluosi junshi gaige de jingyan jiaoxun [Analysis of the implications and lessons of the Russian military reform]. *Xi'an zhengzhi xueyuan yuanbao*, vol. 29, no. 3, pp. 127–128. (In Chinese.)

35. Yang Yucai. 2017. 'Xinmianmao' gaige yilai ejun de jianshe yu fazhan [Development of the Russian armed forces since 'New look' reform]. *Eluosi zhongya dongou yanjiu*, no. 5, pp. 1–16. (In Chinese.)

Статья поступила в редакцию 02.11.2020; одобрена после рецензирования 12.05.2021; принята к публикации 22.09.2021.

The paper was submitted 02.11.2020; approved after reviewing 12.05.2021; accepted for publication 22.09.2021.